

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ”
В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ

(Комментарий к статье Питера Бёрка)

Статья Питера Бёрка представляет собой в высшей мере серьезный обзор современной историографии. Содержащая в сносках библиография удивляет количеством книг, за которыми известный историк успевает следить. Все портит название статьи, а точнее – содержащееся в нем словосочетание “перформативный поворот”. Не стоило ли написать скромнее – “перформанс как объект исследования”, или просто: “изучение ритуалов”?

В историографических дискуссиях последнего времени речь идет о “пространственном” или “топографическом” повороте, об “эмоциональном повороте”, “архивном повороте”, “трансляционном” повороте и многих других, включая и сам “перформативный поворот”, не говоря о все еще обсуждаемых классических темах лингвистического, визуального (или “иконического”), антропологического и культурного поворота¹. Это обилие поворотов в нашем ремесле давно уже навлекло на себя насмешку сторонних наблюдателей: их слишком много, и они случаются слишком часто, чтобы речь могла идти о действительно поворотных явлениях в историографии, о по-настоящему основательно продуманных изменениях в работе историка².

Комизма “дискурсу поворотов” добавляет резкий контраст по отношению к тому, что Ганс Ульрих Гумбрехт описывает как “особую темпоральность” гуманитарных наук в конце 1990-х – 2000-е годы: возникшие в 1980-х – начале 1990-х годов теории (“новый историзм” и т.п.) никуда не уходят, им ничто не приходит на смену, “мы можем ходить в тех же джинсах, что купили 20 лет назад”, все остается³.

Статья П. Бёрка образцова в этом отношении. Она не содержит какой-либо резкой полемики против “доперформативной” историографии, которая должна остаться в прошлом, “за поворотом”; различные направления в рамках самого “перформативного поворота” мирно сосуществуют и согласуются друг с другом; они даже готовы воспринять в себя элементы сферы неперформативного. В современной историографии, в версии П. Бёрка, новые темы возникают ввиду их объективной исследовательской значимости; между историками нет жестких дискуссий, а есть плодотворное и взаимодополняющее нахождение новых исследовательских объектов.

Примечательно, что “перформативный поворот” трактуется П. Бёрком именно как такое нахождение все новых предметов ис-

следования. Историк поворачивается то к тому, то к этому, сохраняя внутреннюю невозмутимость. Собственно, о самом историке в связи с “перформативным поворотом” автор вспоминает лишь в последнем предложении статьи, где нам напоминает, что всякая академическая коммуникация – это тоже перформанс.

Но что если отнестись к идее “перформативного поворота” серьезно? Что если представить себе историка, не мягко поворачивающегося в своем удобном офисном кресле то туда, то сюда, а такого, с которым нечто происходит, и происходит столь brutальным образом, что мы действительно можем назвать это словом “поворот”? Как если бы кто-то сказал без иронии: “Это был поворот в его работе историка”. Пока укажу лишь на крайне существенный, на мой взгляд, недостаток составленного П. Бёрком обзора: происходящее в современной историографии представлено в нем таким образом, что у нас не возникает желания “оборотиться”, логика исследований перформативности не увлекает нас, не переворачивает привычные мыслительные категории – следовательно, если поворот действительно имел место, Бёрку не удалось передать нам его суть. Его статью следует рассматривать скорее как выражение чувства того, что нечто произошло.

Далее, мы можем заключить, что произошедшее связано с целым рядом имен, которые Бёрк пытается определенным образом выстроить: В. Тёрнер, К. Гирц, Д. Остин, М. Серто, М. Фуко, с оговорками – Ю. Лотман, и др. Но все это по большей части уже очень старые авторы, даже если мы в примечаниях видим, что речь иногда идет о книгах, изданных в 2000-е годы (Б. Кравери, Ч. Тилли, Л. Абу-Лугод, А. Вежбицкая и др.). Почему снова Тёрнер, Фуко, Тилли и все прочие? Почему в заглавии статьи говорится о “недавней” историографии, а в самой статье – о ее будущем? Это происходит потому, что среди историков в 2000-е годы действительно много говорилось о “перформативном повороте”.

Возникновение этой темы – явление довольно загадочное, и трудно сказать, каков первоисточник.

Впервые столкнуться с темой “пространственного поворота”, сформулированной именно таким образом, мне пришлось осенью 2001 г., когда нам, группе гёттингенских аспирантов, в обязательном порядке нужно было посещать теоретический семинар, посвященный “новым ориентированным на действие концептам” (“neue handlungsorientierte Konzepte”) в историографии. Руководили семинаром филолог-германист А. Хаусман и историк-медиевист Ф. Рекрот⁴. Обсуждение новых концептов в аспирантском семинаре предполагало, что перформативный поворот – дело будущего, но в действительности в семинаре, как и в статье Бёрка, речь шла о ритуалах, о церемониях, о театральности. Проблематика перформативности в таком

виде ассоциировалась у меня с описанием школы “Анналов” 1970-х годов в известной книге А.Я. Гуревича⁵. В статье П. Бёрка мы также встречаемся с хорошо знакомыми нам текстами, причем перспективы будущего развития истории снова определяются по отношению к теориям А. Лорда, В. Тернера, К. Гирца и др. Почему Бёрк, Рексрот, Хаусман вдруг вспомнили обо всем этом?

В октябре 2001 г. в университете Падерборна состоялась конференция, посвященная будущему медиевистики в XXI в.⁶, и одной из обсуждавшихся на ней тем был как раз “перформативный поворот”. Значительная часть ее участников сошлась в том, что будущее – за исследованием ритуалов и прочих форм перформанса. Почти одновременно в Гамбургском университете Ю. Мартшукатом и Ш. Патцольдом была организована серия докладов, посвященных “перформативному повороту”⁷. Отнюдь не все докладчики согласились с тем, что исследование ритуалов – дело перспективное. Американский медиевист Дж. Козиол, ранее приобретший известность благодаря исследованию ритуалов, на этот раз выступил с критикой собственных подходов⁸. На примере биографии одного из последних каролингских императоров Козиол попытался показать, что теория ритуалов несет в себе ряд опасностей. Когда мы находим в текстах прошлого некие схожие действия, повторяющиеся поступки, мы склонны интерпретировать их именно как схожее – теория ритуала побуждает нас к этому. Между тем, объективно у нас нет никаких оснований утверждать, что даже много раз повторенное действие есть ритуал, что кажущаяся схожесть имеет место на самом деле. Кроме этого скептического аргумента, Козиол приводит и другой, позитивный. Своим исследованием о семейной памяти последних Каролингов он пытается показать, что мнимо ритуальные действия могут приобретать для нас совершенно иное значение, если мы рассматриваем их не в серии “подобных” же действий, а в конкретной ситуации (которая может быть и ситуацией составления рассказа об этом событии) и в широком историческом контексте. Представить себе эту историческую ситуацию гораздо труднее, чем оперировать готовыми сериями примеров, это требует прочтения в источнике не только той страницы, где говорится о ритуале, но и нескольких соседних страниц, и сопоставления всего этого вместе (Козиол даже выступает в пользу концепции “исторического воображения”), но в итоге мы получаем гораздо более убедительную картину прошлого, чем та, что создается историками-ритуалистами.

Свободный университет в Берлине, особенно его Институт театрального перевода, можно назвать третьим центром “перформативного переворота” в Германии – именно там в 1999 г. был основан междисциплинарный исследовательский проект “Культуры перформативного”⁹. То, что в рамках данного проекта обозначается как “перфор-

мативный поворот”, не имеет ничего общего с ритуальными теориями 1970-х годов, если не считать того, что исследования перформативности в определенной мере выстраиваются в противопоставлении им. “Перформативный поворот” в таком понимании скорее можно сравнить с хорошо знакомой российскому читателю проблематикой, также обсуждавшейся начиная с 1990-х годов¹⁰ и получившей во французской и американской историографии название “прагматический поворот”. Культура в рамках такого подхода больше не рассматривается как “текст” (как это было еще в рамках “нового историзма”) или стабильная система значений. Никакого абстрактного “текста-культуры” не существует, культура наличествует лишь в той мере, в какой она каждый раз заново исполняется (отсюда “перформативность”), реализуется в повседневном поведении, в отклоняющейся от нормы прагматике ситуаций. При этом само понятие “нормы” и возможность исследования “нормальности” были поставлены под вопрос. Всякое исследование “значения”, по словам немецкой исследовательницы, специалиста по современному искусству Э. Фишер-Лихте, должно дополняться изучением “исполнения”. Именно в этом контексте новую актуальность приобретают теории ритуалов – как действий, в которых реализуются значения. Иначе говоря, в рамках данного понимания “перформативного поворота” старые теории ритуалов возвращаются¹¹ в научный оборот как своя противоположность: как орудие против структуралистского понимания культуры. Парадоксальным образом ритуалы понимаются как то, что имеет своей основой не-повторение¹².

В гораздо большей мере, чем с теориями ритуалов, сторонники “перформативного поворота” в его берлинской версии идентифицируют себя с различными направлениями в современном искусстве, такими как “action painting”, “body art”, “land art”, с использованием в современном искусстве световых скульптур и видеоинсталляций, с работами Й. Бойса, В. Востелла, Р. Хорн, “венских акционистов” или группы FLUXUS. Строго говоря, искусство 1960–1970-х годов не более современно, чем возникшие тогда же теории ритуалов и основанные на них исторические исследования. Новым является скорее стремление перестроить науки о культуре по образцу современного искусства – чего не было собственно в 1960–1970-е годы¹³. Опубликованная версия гамбургского доклада Э. Фишер-Лихте начинается с раздела “От перформативного поворота в культуре к перформативному повороту в науках о культуре”. Этим вниманием к перестройке самих “наук о культуре” текст Фишер-Лихте выгодно отличается от обзора Бёрка.

У П. Бёрка можно найти отзвук такого рода дискуссий (возможно, в связи с текстами Дж. Козиола?), когда он пишет о недостаточном учете перформативной теорией “неперформативного”. Бёрку,

однако, в его собственной версии “перформативного поворота” не удастся развернуть этот тезис, и вообще в этой части его размышления крайне путаны: сначала необходимость учета неперформативного уравнивается с интерактивностью ритуалов, с взаимодействием в рамках ритуалов “исполнителей” и “публики”, далее противопоставление “исполнителей” и “публики” снимается, и автор показывает нам, что сама публика участвовала в исполнении ритуалов, а в итоге Бёрк приводит ряд примеров, где ритуалы собственно и исполняются публикой (шаривари и т.п.). Вопрос в том, в какой мере тогда публика остается “неперформативной”. Особенно в примере с шаривари (взятом, снова, не из недавней историографии) говорить об исполнителях как о публике крайне проблематично, им трудно противопоставить собственно исполнителей-непублику. Во всяком случае, Ж.-К. Шмитт и Ж. Ле Гофф явно не ставили в своей книге 1981 г. задачу изучения неперформативного; этот пример, как и многие другие у Бёрка, крайне неудачен.

Не удается П. Бёрку показать и особый характер интереса исследователей к *неритуальному* характеру насилия, в том числе к проявлениям брутальности в ходе игры в карты. Между тем, в новейших исследованиях эта проблема неоднократно поднималась¹⁴.

Я хотел бы остановиться на еще одном возможном понимании “перформативного поворота”, которое представляется мне наиболее точной характеристикой историографических тенденций, определяемых этим именем. В этом смысле “перформативный поворот” в историографии стал феноменом гораздо более существенным, чем смена объектов у П. Бёрка или изменение подходов у участников берлинского проекта. Скажу сразу, что в любом случае я не рассматриваю “перформативный поворот” как перспективу на будущее, скорее, мне представляется важным нечто противопоставить рассказу Бёрка для установления справедливости по отношению к историографии конца XX в. и ее наследию. Выстраивание альтернативного рассказа о “перформативном повороте” потребовало бы слишком много места, поэтому я коротко укажу лишь на два принципиальных момента.

Прежде всего, мы действительно имеем дело с существенными изменениями в историографии конца XX в., спровоцированными теорией перформативности. Использование понятия “поворот”, подразумевающего значительную степень преэминентности, не представляется мне точным. Нельзя, подобно П. Бёрку, заявить, что историография обогатилась еще одним измерением, перформативным, наряду со старым, деноминативным: одно не дополняет, а исключает другое. Умиrotворяющий тон Бёрка не адекватен реальности: историография представляет собой гораздо более живое и антагонистическое пространство.

Напомню вкратце теорию Дж. Остина, автора различения деноминативных и перформативных высказываний¹⁵. Когда мы говорим: “Лед хрупкий”, мы описываем некое положение дел. Когда полисмен кричит нам: “Эй, лед хрупкий!”, он тем самым создает некое положение дел, заставляя нас выйти на берег. Это два совершенно разных типа высказываний, хотя, конечно, при желании мы можем утверждать, что одно может дополнять другое. Как правило, тем не менее мы или описываем нечто, или создаем некую ситуацию. Высказывание полисмена не имеет своим назначением описательность, такое прочтение его было бы неверным и – в реальной ситуации – недопустимым.

Надо сказать, что Дж. Остин, а позднее Д. Серл не занимались просто классификацией высказываний в научных традициях XVIII в. Выделение перформативного уровня языка было важно для переосмысления как таковой теории его функционирования и, в том числе, чтобы пересмотреть функционирование “строгих” научных высказываний.

В том, что историк не только нечто говорит, но и нечто делает посредством того, что говорит, действительно нет ничего нового. Это банальность, и именно как таковая она фигурирует в заключительном предложении статьи П. Бёрка. Скажем, исторические сочинения А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного или Л.М. Баткина были важны не только как описания средневековых или ренессансных обществ, но и как политические действия, и одно было для их читателей не менее важно, чем другое. Можно сказать, что эти работы были “перформативны”, они не только описывали исторические ситуации, но и стремились создавать их в настоящем.

Теорией перформативности описательность и перформативность разводятся. В середине XX в. появился ряд текстов, указывавших на социальный характер научной деятельности и критиковавших “интерналистский” взгляд на науку как чисто интеллектуальное занятие. История научной деятельности стала одним из разделов социальной истории¹⁶. При этом дело было не в том, что “историк субъективен”, зависит от социальных обстоятельств и т.п., – вся эта старая эпистемологическая проблематика в середине XX в. интересовала только немногих живых еще неокантианцев. Перформативный поворот совершенно изменил представления об отношениях между исследователем и предметом его исследования. Применительно к историографии эти новые отношения описаны, в частности, Мишеллем де Серто в книге “Написание истории”¹⁷ (и именно в контексте этой работы следует читать позднейшую “Мистическую сказку”, которую не совсем уместно вставляет в свой историографический обзор П. Бёрк).

По мнению М. Серто, историк с самого начала своей исследовательской работы занимается тем, что выбирает некие документы,

нечто выписывает из них, что-то переснимает и т.д., и тем самым он уже на уровне работы с источниками, на уровне материальных практик¹⁸, конструирует свой объект исследования, отграничивает некое “историографическое пространство”, которое далее видоизменяется на уровне расположения материала (“обратной хронологии”), его нарративного изложения и т.д. Историческая наука перформативна, историк создает то, что он исследует. При этом Серто совсем не имеет в виду, что предмет истории не существует, что такая история менее истинна, чем какая-либо другая. Возможность нахождения истины, вопреки расхожему мнению, ни М. Серто, ни М. Фуко, ни П. Бурдьё, ни кто иной из теоретиков перформативного (или прагматического) характера научной деятельности не оспаривает. Проблема в том, что истина всегда оказывается чем-то большим, чем просто истина “чистой науки”. Речь идет теперь не о способности познать что-либо, а о том, как именно мы познаем реальность и что мы затем делаем с приобретенным знанием.

Вопрос о том, как мы познаем, однако, не связан с методологической проблематикой поиска наиболее эффективных способов познания (или дознания), он становится вопросом моральным и политическим. Например, в контексте критики расизма, колониализма, гендерной дискриминации и т.п. определенные формы познания оказываются неразрывно связаны с колониальными, националистическими или сексистскими формами мышления, пусть даже не явно, а на имплицитном уровне, а потому оказываются неприемлемы.

Политические импликации различных видов знания стали предметом оживленных историографических дискуссий в последние десятилетия. Речь идет не о том, можем мы или не можем что-то описать в прошлом, а о том, какой эффект произведет появление такого описания, такой истории. Производимое текстом историка действие, его перформативное измерение, становится важнейшим критерием его оценки. Если посмотреть на те новые историографические направления, которые появлялись в 1980–1990-е годы, как, например, гендерная история, история увечности, черная история, постколониальная история, новый медиевализм и т.д., то все они отличались не какими-то новыми объектами или методами исследования, а как раз теми политическими импликациями, которые в рамках этих направлений проблематизировались.

В итоге, после “перформативного поворота” у историков сильно прибавилось работы: просто рассказать нечего о прошлом совершенно недостаточно, нужно позиционировать полученное знание таким образом, чтобы исключить одни способы его использования и сделать возможными другие. Надо контролировать имеющиеся у знания импликации (например, импликации теории ритуалов) и надо уметь это делать. Следствием этого становится возрастание теорети-

зации исторического знания: от историка сегодня требуется способность к теории (в немецком языке возникло специальное понятие “*Theoriefähigkeit*”). Это ведет к изменениям в понимании самой сути работы историка, смещению ее центра с “проблем фактичности” (“*matters of fact*”) в сторону “проблем назначения” (“*matters of concern*”), что в конкретных исследованиях может принимать самые различные формы¹⁹. Такого рода изменения в понимании научной деятельности происходят не только в историографии, но и в других науках, в том числе естественных²⁰.

В работе историка изменяется соотношение целей и средств: изначально оказывается вопрос “Что я хочу сказать своей работой?” (какое перформативное действие она должна произвести), а потом уже – какие средства (источники, методы) у меня для этого есть в наличии, или же их нет и нужно создать нечто новое.

Ввиду всего этого было бы полной бессмыслицей говорить о том, что историография одновременно и перформативна, и деноминативна. Одно исключает другое. История “после перформативного поворота” резко противостоит “новой культурной истории” 1970–1980-х годов (к которой близок Бёрк) с ее акцентом на средствах, на методологичности. А “деноминативная историография”, как свидетельствует текст П. Бёрка, со своей стороны, не может существовать иначе, как полностью исключая измерение перформативности в самих “науках о культуре”, в самой работе историка. Дополнение одного другим не получается: и потому, что оно не может получиться, и потому, что никому это в действительности не нужно. Для одних это несовместимо с консервативным образом исторической профессии, а для других означает возврат к невыносимой наивности прошлого.

Второй аспект перформативного поворота, на котором я хотел бы коротко остановиться, касается связанных с этим поворотом изменений политического “места” (как сказал бы М. Серто) историка и историографии в демократическом обществе. Серто писал в свое время о том, что со времен Макиавелли историк играет в суверена, стремится быть полезным ему, ведет себя так, как если бы суверен действительно желал подчинить себя советам историка, но при этом он никогда не способен сам стать сувереном, он всегда находится в отличном от суверена пространстве, дозволенном и ограниченном тем. И когда суверен перестает быть государем раннего Нового времени и становится демократической общественностью, к которой теперь обращается историк и которой он стремится быть полезен, дело по сути не меняется. Историк остается, по выражению Серто, “учителем-слугой”. Между тем, в демократическом обществе фигура суверена, в идеале, является всеобщей. Всякий гражданин от рождения является носителем суверенитета, он обладает некими правами, но главное – способностью определять ход истории. А значит,

историография, сохраняющая в себе это извечное разделение пространств “учителя-слуги” и “суверена”, остается внутренне недемократичной²¹.

“Перформативный поворот” представляет собой попытку решить эту проблему внутренней недемократичности историографии²². Неслучайно работы К. Гирца и других упоминаемых П. Бёрком авторов имели не только какое-то теоретическое значение, но и очевидные политические цели. Вместе с тем как раз попытка демократизировать историографию обнаружила ограниченность “теории перформативности”. Ряд упреков касался внутренних аспектов этой теории: так, например, в перформативном действии мы всегда исходим из существующих у нас, уже наличествующих языковых средств, и это делает невозможным создание нового, собственно перформативное действие. Следовательно, нужна иная модель “безусловной” научной деятельности. С другой стороны, изменился внешний контекст теории перформативности. Так, фигура “суверена” (в частности, гражданина) по ряду причин стала рассматриваться как не более привлекательная, чем фигура “учителя-слуги”, и возникли разные понимания некоего иного пространства, третьего “места”²³. Или: упоминаемая Бёрком теория перформативной субъективности Д. Батлер, в 1990-е годы представлявшаяся многим решением целого ряда проблем – как политических, так и научных, – в 2000-е годы, в культурно и политически иной ситуации, оказалась дискредитирована и утратила свое значение²⁴. То, о чем сегодня пишет сама Д. Батлер, – это критика “этического насилия”, т.е. речь идет о концептуализации упоминавшегося уже не-перформативного насилия²⁵.

Именно ввиду этого я не согласился бы с мнением П. Бёрка, что “перформативный поворот” являет собой наше ближайшее будущее, о какой бы его версии мы ни говорили. Скорее, с конца 1990-х мы были свидетелями его теоретического преодоления. Имена К. Гирца, В. Тёрнера, И. Гофмана, Д. Остина и др. определяли интеллектуальное пространство историографии в прошлые годы, но в ближайшем будущем (нравится нам это или нет) влиятельнее будут те “властители дум”, для которых теория перформативности не имеет большого значения.

¹ Ориентацию в поворотах предлагает: *Kompass der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von J. Eibach, G. Lottes. Göttingen, 2002. См. также: Bachmann-Medick D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek, 2006.*

² *Савельева И.М., Полетаев А.В. “Там, за поворотом...”: О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 73–102.*

- ³ *Gumbrecht H.U.* What is Contemporary Today? (Доклад на XV Банных чтениях, Москва, 29–31 марта 2007 г.).
- ⁴ Эти две фигуры весьма показательны для восприятия темы “перформативного поворота” в Германии: с одной стороны, в рамках мюнхенской школы германистики (Ян-Дирк Мюллер, Удо Фридрих, Армин Шульце, Беате Кельнер и др.), а с другой – среди историков, близких к фрайбургско-мюнстерской школе (Герд Альтхоф и др.).
- ⁵ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993.
- ⁶ Ее материалы опубликованы: *Mediävistik im 21. Jahrhundert: Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung* / Hrsg. von H.-W. Goetz, J. Jarnut. München, 2001.
- ⁷ Были приглашены Эрика Фишер-Лихте, Герд Альтхоф, Клаус ван Айкельс, Ахим Ландвер, Йоханнес Паульман, Йенс Йегер и другие известные историки. Тексты докладов опубликованы в сб.: *Geschichtswissenschaft und “Performative Turn”: Ritual, Inszenierung und Performanz vom Mittelalter bis zur Neuzeit* / Hrsg. von J. Martschukat, S. Patzold. Köln, 2003.
- ⁸ *Koziol G.* A Father, his Son, Memory, and Hope: The Joint Diploma of Lothar and Louis V (Pentecost Monday, 979) and the Limits of Performativity // *Geschichtswissenschaft und “Performative Turn”... S. 83–104.*
- ⁹ SFB “Kulturen des Performativen”. В проекте участвуют также специалисты по средневековой немецкой литературе, сравнительному литературоведению, искусствоведы, антропологи, философы, специалисты по музыкальной культуре и др. См.: www.sfb-performativ.de.
- ¹⁰ См., например, статьи в “Одиссее-1996” или в издававшемся Ю.Л. Бессмертным альманахе “Казус: Индивидуальное и уникальное в истории”.
- ¹¹ Э. Фишер-Лихте несколько раз пишет о “Rückkehr bzw. Wiederentdeckung von Ritualen”, тем самым подчеркивая отсутствие прямой преемственности между старым исследованием ритуалов и тем “перформативным поворотом”, о котором она пишет.
- ¹² Здесь можно было бы вспомнить дискуссию между М.А. Бойцовым и М.Т. Фёген на одном коллоквиуме, проходившем в Гёттингене осенью 2002 года. М.А. Бойцов в своем докладе показывал, что для существования ритуала необходимы его постоянные нарушения. М.Т. Фёген со здравым смыслом возражала, что “если мы начинаем завязывать галстук не на шею, а на руке, это уже не ритуал”. См. публикацию материалов коллоквиума: *Fögen M.T.* “Arms et legibus gubernare”. Zur Codierung von politischer Macht in Byzanz // *Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz – Okzident – Rußland* / Hrsg. von O.G. Oexle, M.A. Bojcov. Göttingen, 2007. S. 11–23; *Bojcov M.A.* Warum pflegten deutsche Könige auf Altären zu sitzen? // *Ibid.* S. 243–315.
- ¹³ О “перформативном повороте” с этой точки зрения см. также: *Kulturen des Performativen* / Hrsg. von E. Fischer-Lichte, D. Kolesch. B., 1998; *Gronau B.* Raum, Körper, Handlung: Performative Interferenzen von Bildender Kunst und Theater. München, 2007.
- ¹⁴ Их обзор см. в: *Савицкий Е.Е.* Проблема новизны в историографии 1990-х гг. (на примере “нового медиэвализма”): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 205–229. Стоит особенно отметить следующие работы: об азартных играх – книгу Эндрю Коуэла “За игрой в таверне” (*Cowell A.* At Play in the Tavern: Signs, Coins, and Bodies in the Middle Ages. Ann Arbor, 1999), в ней на материале прежде всего литературных текстов рассматриваются проблемы соотношения щедрости, гостеприимства и получения выгоды, “поэтика таверны”, ее

“моральная экономика” и пр.; книга представляет собой замечательный образец соединения глубокого литературоведческого и исторического анализа; из работ, посвященных насилию, см. в особенности: *Pranger M.B.* Monastic Violence // *Violence, Identity, and Self-Determination* / Ed. by H. de Vries, S. Weber. Stanford, 1997. P. 44–56; *Bartlett R.* “Moral Enmities”: The Legal Aspect of Hostility in the Middle Ages. Aberswyth, 1998; *Smail D.L.* Hatred as a Social Institution in Late-Medieval Society // *Speculum*. 2001. Vol. 76, N 1. P. 90–126; *Haidu P.* The Subject of Violence: The “Song of Roland” and the Birth of the State. Bloomington, 1993. Из работ по Новой и Новейшей истории следует отметить: *Zwischen Alltag und Katastrophe: Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe* / Hrsg. von H. Medick, V. von Krusenstjern. Göttingen, 1999; *Bourke J.* An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in 20th Century Warfare. L., 1999. Особенно следует отметить воздействие опубликованных в 1999 г. лекций М. Фуко, прочитанных им изначально еще в 1976 г. и посвященных дискурсу войны, в частности “несемiotичности войны”: *Foucault M.* “Il faut défendre la société”: Cours au Collège de France, 1976. P., 1999. Есть русский перевод этой книги: *Фуко М.* Нужно защищать общество. М., 2003.

¹⁵ См.: *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // *Остин Дж.* Избранное. М., 1999. С. 13–138.

¹⁶ См. об этом, в частности: *Burke P.* A Social History of Knowledge: From Gutenberg to Diderot. Cambridge, 2000.

¹⁷ *Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. P., 1975.

¹⁸ Эти материальные практики историков и других работающих в архивах специалистов оказались в последние десятилетия предметом особого внимания в целом ряде исследований, которые и послужили основанием для разговоров об “архивном повороте” в историографии. См.: *Farge A.* Le goût de l'archive. P., 1989; *Yaeger Kaplan A.* Working in the Archives // *Yale French Studies*. N 77: Reading the Archive: On Texts and Institutions. 1990. P. 103–116; *Osborn Th.* The Ordinarity of the Archive // *History of Human Sciences*. 1999. Vol. 12, N 2. P. 51–64; *Steedman C.* “Something she called a fever”: Michelet, Derrida and the Dust // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106, N 4. P. 1159–1180; *Idem.* The Space of Memory: in an Archive // *History of Human Sciences*. 1998. Vol. 11, N 4. P. 65–83.

¹⁹ В одной из моих статей я описал эти изменения на примере двух поколений американских медиевистов, которые воплощают собой Лестер Литтл и его ученица Барбара Розенвейн. См.: *Савицкий Е.Е.* Удовольствие от прошлого и чувство свободы в историографии 1990-х гг. // *Диалог со временем: Журнал интеллектуальной истории*. 2005. № 15. С. 179–209, особенно с. 188–191. В частности, в связи с проблемой “культурной инаковости” прошлого там говорится о том, что прошлое у Розенвейн само по себе не инаково, но таковой оказывается репрезентация этого прошлого. Истории, репрезентирующей различия (как книга Литтла), противопоставляется история, сама выступающая различием, вводящая эти различия. Более значимым для историографии, чем ссылка на прошлое, оказывается введение этого прошлого как создаваемой им дистанции. То есть речь идет о строгом различии между историографией, реконструирующей культурно инаковый образ прошлого (который, однако, может быть абсолютно безобидным в привыкшем к культурному многообразию обществе, даже нуждающемся в культурном релятивизме и потому совершенно не страшась встречи с Другим), – и другой историографией, инаковость образов которой измеряется их опасностью для настоящего,

способностью преодолеть свершившееся “упокоение” прошлого. Выявление культурных отличий в этом случае как таковое не важно, оно есть лишь одна из возможностей их взаимного касания, причем не самая лучшая с точки зрения создания опасной близости между прошлым и настоящим.

- ²⁰ См., в частности: *Latour B. L'espoir de Pandore: Pour une version réaliste de l'activité scientifique.* P., 2001; *Idem. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry.* 2004. Winter. Vol. 30, N 2. P. 225–248; *Idem. Elend der Kritik: Vom Krieg um Fakten zu Dingen von Belang.* B., 2007; *Hacking I. The Social Construction of What?* Harvard, 1999; *Idem. Historical Ontology.* Cambridge (Mass.), 2004.
- ²¹ В целом о проблеме внутренней недемократичности науки и, соответственно, ее особом месте в рамках демократии, см.: *Latour B. Politiques de la nature: Comment faire entrer les sciences en démocratie?* P., 2003.
- ²² К примеру, о таком значении теории перформативности для интеллектуальной (и в целом культурной) истории прямо пишет Квентин Скиннер в своей недавно изданной на русском языке книге: *Скиннер К. Свобода до либерализма.* СПб., 2006. См. также его программную статью 1969 г.: *Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory.* 1969. Vol. 8. P. 3–53. См. также: *Hellmuth E., Ehrenstein Chr. von. Intellectual History Made in Britain: Die Cambridge School und ihre Kritiker // Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft.* 2001. Bd. 27. Hft. 1. S. 149–172.
- ²³ Так, один из последних текстов Клиффорда Гирца озаглавлен “Что есть государство, если оно не является сувереном”: *Geertz C. What Is a State If It Is Not a Sovereign? Reflections on Politics in Complicated Places (Sindey W. Mintz Lecture for 2003) // Current Anthropology.* 2004. December. Vol. 45, N 5. P. 577–593. См. об этом подробнее: *Савицкий Е.Е. Гражданская нация и антигражданское историческое описание, 1970–2000-е гг. // Диалог со временем: Журнал интеллектуальной истории.* 2008 (в печати).
- ²⁴ См. об этом подробнее: *Савицкий Е.Е. Перспективы феминистской политической практики и гендерной истории в свете полемики Джудит Батлер и Славоя Жижека // Адам и Ева: Журнал гендерной истории.* 2007. № 13. С. 179–203.
- ²⁵ *Butler J. Giving an Account of Oneself.* N.Y., 2006.